

КУРТ РИСС

КРОВАВЫЙ РОМАНТИК
НАЦИЗМА. ДОКТОР
ГЕББЕЛЬС. 1939-1945

Курт Рисс

Кровавый романтик нацизма.

Доктор Геббельс. 1939-1945

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=610535

Кровавый романтик нацизма. Доктор Геббельс. 1939—1945 / Пер.

с англ. П.В. Рубцова.: Центрполиграф; Москва; 2006

ISBN 5-9524-2504-6

Аннотация

Книга Курта Рисса написана на основе дневников Геббельса, рассказов очевидцев и родственников одного из могущественнейших людей нацистской Германии. Он был предан Гитлеру и как человек, и как министр пропаганды, и как гауляйтер – высший партийный руководитель Берлина. Он стал преемником фюрера, но пробыл им всего несколько часов и ушел из жизни вслед за человеком, в которого заставил поверить миллионы немцев.

Содержание

От издателя	5
Предисловие	8
Часть первая	19
Глава 1	19
1	19
2	21
3	24
4	28
5	30
6	32
7	35
8	40
Глава 2	45
1	45
2	47
3	50
4	54
5	60
6	62
7	65
8	69
9	76
10	78

Курт Рисс

Кровавый романтик нацизма. Доктор Геббельс. 1939—1945

От издателя

Примечательно то, что из имен всех нацистских преступников всего лишь два стали нарицательными: Гитлер и Геббельс. И если уж заходит речь о тотальном, всеподавляющем воздействии на сознание народа, мы говорим «геббельсовская пропаганда». Такого рода устойчивый эпитет появился не только в русском языке. До сих пор мы не поняли до конца, как получилось, что нация, давшая миру Баха и Бетховена, Шиллера и Гете, Канта и Гегеля, превратилась в стадо, готовое выполнить любой, самый дикий приказ.

Об этом и написана эта книга. Автор не задается вопросом: почему? Он спрашивает: как? И ищет ответ в анализе всех методов и приемов – зачастую поистине гениальных, если это слово уместно в данном контексте, – пропаганды Геббельса. Не важно, что изложение событий грешит европоцентризмом, не важно, что встречаются исторические неточ-

ности. Важно то, что автор дает пусть и не полный, но все же ответ.

Книга не могла дойти до русского читателя раньше – уж больно много узнаваемого можно найти в описаниях пропагандистских приемов. Да и в наше время в работе некоторых средств массовой информации проскальзывает поразительное сходство. Но эту книгу обязан прочесть всякий мыслящий человек. Не стоит опасаться, что для кого-то она станет учебником. Правду от лжи иногда бывает трудно отличить, да и «что есть истина?». Однако, если мы научимся отличать дискуссию, свободный обмен мнениями, пусть спорными и даже ошибочными, от попыток насильно внушить нам кому-то угодные мысли, у нас появится иммунитет к пропаганде. И тогда никакие ученики Геббельса будут не страшны.

К несомненным достоинствам книги необходимо отнести также и то, что она написана по горячим следам и основана на документах и свидетельствах людей, близко знавших Геббельса. Неправда, что только по прошествии многих лет нам открывается истина, – напротив, чем дальше мы от событий, тем больше склонны очевидцы излишне идеализировать или драматизировать события, тем больше появляется белой или черной краски в портретах описываемых ими людей.

Книга говорит сама за себя. И к ней вряд ли можно найти эпитафию лучше, чем слова самого Геббельса: «Крестьянин и рабочий напоминают человека, сидящего много лет в глухом каземате. После бесконечной темноты его легко убедить в

том, что керосиновая лампа – это солнце...»

Предисловие

В процессе написания этой книги мне оказали бескорыстную поддержку многие лица. Первыми из них следует назвать полковника У.Ф. Хаймлиха и майора Ф. Стивенса, представителей разведки Соединенных Штатов, майора Х.Р. Тревор-Ропера из британской разведки, моего секретаря в Берлине мисс Т. Холлендер и моего нью-йоркского секретаря миссис Хелен Майер. Кроме того, я в долгу перед Терезой Поль и Ингрид Халлен за редакторскую помощь и советы в подготовке рукописи.

Пройдут десятилетия, а может, и полвека, прежде чем нашему взору откроются все подробности кошмарного полотна – Нацистского Фарса. Более того, не многим из нас удастся дожить до того дня, когда тайное станет явным. Не останется никого, кто сможет объяснить нашим потомкам непостижимые уму события прошлого: газовые камеры для методичного убийства бесконечного числа жертв, порабощение целых стран, попытки поголовного истребления народов, стертые с лица земли города.

Грядущие поколения спросят, как стало возможным, что миллионы людей были приведены в состояние иступления и совершили все то, из-за чего сами оказались на пепелище. Можно дать очень пространственный ответ, но если попытаться свести его к одному-единственному слову, то мы скажем:

ГЕББЕЛЬС.

Без всплеска нравственного нигилизма, какого мир не знал в веках и ярким выразителем которого был Геббельс, Гитлер никогда не удостоился бы своей столь печальной известности. Без колдовской геббельсовской пропаганды Гитлер никогда не стал бы столь опасен для всего мира. Без ужасающей данной ему власти Геббельс никогда не смог бы проводить над душами людей свои преступные опыты, вполне сравнимые с изуверствами, творимыми нацистскими врачами в концентрационных лагерях. Геббельс создал новую реальность, сотканную целиком из лжи.

Доподлинно известно, что он не был выходцем из мелкой буржуазии, помешанной на шовинизме, как Гитлер и Гиммлер, или головорезом, ни крупным, как Геринг, ни мелким, как Заукель. С юридической точки зрения он не был ни уголовником, как Штрайхер, ни невменяемым, как Гесс, ни сексуальным извращенцем, как Рем или Гейнес. Он был сам по себе.

Бывший посол Франции в Берлине Андре Франсуа–Понсе однажды не без основания заявил, что Геббельс самый опасный человек в гитлеровском окружении – его манера вести дискуссию была неизмеримо сильнее, чем у остальных нацистов, его искусство полемизировать было проникнуто всеподавляющей иронией. «Вероятно, он был достаточно умен, чтобы не питать иллюзий по поводу нравственных устоев своих товарищей по партии», – писал французский

дипломат.

Одно это могло бы стать увлекательным предметом для исследования: шеф пропаганды, презиравший большую часть того, что сам пропагандировал, тем более пропагандировал блестяще. Физически неполноценный, выступавший в роли яркого поборника теории расового превосходства. Человек, выдвигавший лозунг за лозунгом и в конце концов приучивший всю нацию жить по ним. Человек, отказавшийся от военной пропаганды, когда удача сопутствовала Германии на полях сражений, и применивший в полную силу свои способности уже на грани краха. Он же известил нацию о постигшей ее катастрофе. Человек, полностью выполнивший свою миссию: ему приказали поддерживать боевой дух, и он справился с задачей. Война в Германии продолжалась, пока у немцев оставалась хотя бы пядь земли. Если судить по речам Геббельса, пожалуй, он оказался единственным генералом Второй мировой войны, не потерпевшим поражения.

Он сделал свое дело и удалился со сцены, на которой столь долго пребывал. В его планы не входила встреча с союзниками в Нюрнберге.

На первый взгляд написать биографию Геббельса не составляло особого труда. Геббельс произнес столько речей и выпустил в свет столько статей и книг, что моя задача, казалось, сведется к анализу опубликованных материалов. Но когда я вновь посетил Германию сразу после окончания боевых действий и встретился с людьми, близкими к Геббельсу

и работавшими с ним, я начал сознавать, что подобного рода исследования будет недостаточно: Геббельс лгал о себе так же безудержно, как и о нацистском государстве.

Поэтому я решил начать все заново. Я отверг первоначально подготовленные материалы, на которые ушло несколько лет труда, и выбросил все, что не подтверждалось свидетельствами тех, кто лично знал главного пропагандиста нацизма. Таким образом, эта книга построена в основном на беседах с нижеперечисленными людьми, по той или иной причине близкими к Геббельсу. Наиболее важными очевидцами являются:

Мария Катарина, мать Геббельса;

Мария Киммих, сестра Геббельса;

Аксель Киммих, зять Геббельса;

Августа Берендт, теща Геббельса;

д-р Ганс Фрицше, человек номер два в министерстве национального просвещения и пропаганды и ближайший сотрудник Геббельса;

Ильзе Фрейбе, личный секретарь Магды Геббельс;

Элли Гюнтер, няня Магды Геббельс, долгие годы работавшая в доме Геббельса прислугой;

Карл Мелис, управляющий делами министерства пропаганды;

Вилли Верниц, директор тайной типографии министерства пропаганды;

Инге Габерцеттель, сотрудница Германского информаци-

онного агентства, аккредитованная при министерстве пропаганды (работавшая потом многие месяцы на меня);

Вильгельм Рорзен, дворецкий Геббельса;

Густав Фрелих, киноактер;

Эберхард Тауберт, руководитель антикоминтерновского бюро и друг Геббельса;

фрау Хаузер, жена управляющего виллой Геббельса в Шваненвердере;

Инге Гильденбранд, бывшая некоторое время личным секретарем Геббельса;

Отто Якобс, личный стенографист Геббельса.

Кроме того, я расспросил множество актеров и актрис, знавших Геббельса, женщин, состоявших в связи с ним и просивших не раскрывать их имен, два десятка сотрудников министерства пропаганды, его лечащих врачей, личных фотографов, портных и косметологов.

Разумеется, не все, что я узнал от свидетелей, следовало принимать за чистую монету. С самого начала было ясно, что родные сделают все, чтобы обелить его, а сотрудники – очернить. Многие путались в последовательности событий. Таким образом, мне пришлось проверять и перепроверять полученные сведения во множестве инстанций. В сущности, можно сказать, что я отказался безоглядно доверять некоторым свидетельствам, в особенности если у людей было желание по той или иной причине получить отпущение грехов. Тем не менее кое– где я был вынужден использовать и по-

добную информацию, поэтому подчеркиваю, что относиться к ней следует с известной долей скепсиса.

Менее чем за две недели до самоубийства Геббельса его мать, сестра и зять бежали из Берлина. Укрывшись в баварской деревушке, они прожили больше года под вымышленными именами. Когда я наконец разыскал старую женщину, мы подолгу беседовали о ее сыне. Собственно, она была моим главным источником, откуда я почерпнул сведения о юности Геббельса, о его прошлом, когда сформировалось его отношение к религии, о его здоровье.

Довольно любопытно то, что сестра Геббельса, которая, как и мать, никогда не состояла в нацистской партии, тщательно выбирала слова и избегала всего, что могло бросить тень на память о рейхсминистре. С другой стороны, мать выказала удивительную откровенность и, по-видимому, ничего не пыталась скрывать.

О Магде Геббельс, о том, как она жила до встречи с Геббельсом, о ее первом и втором браке и о ее гибели я узнал в основном от ее матери Августы Берендт, а также от Ильзе Фрейбе – подруги юности Магды, которая впоследствии стала ее секретарем, и, наконец, от Элли Гюнтер, ее няни, которая на протяжении последних лет почти неотлучно состояла при семье Геббельс.

Когда я нашел фрау Берендт, она жила в нужде, в убогом жилище со скудной обстановкой и без единого стекла в окнах. Несколько дней мы беседовали под стенограмму. При-

нимать ее рассказ на веру не стоит, поскольку фрау Берендт наверняка старалась затушевать некоторые факты, которые могли бы выставить Магду в неблагоприятном свете. Кроме того, она всей душой ненавидела зятя Геббельса и представляла его единственным виновником всех постигших семью несчастий. Более беспристрастной и непредубежденной была секретарь, обладавшая, как и няня, цепкой памятью, что позволило ей сообщить немало подробностей о семейной жизни вплоть до последних дней.

Когда мне понадобилось проникнуть в суть работы Геббельса в министерстве пропаганды, в его идеи и методы, моим главным консультантом стал Ганс Фрицше, человек номер два после министра. Во время Нюрнбергского процесса мы общались с ним через его адвоката. Тогда же, находясь в камере, он составил и передал мне свой первый рукописный отчет. На другой день после его освобождения из-под стражи я встретился с ним лично и в последующие два-три дня буквально забросал его бесчисленными вопросами о деятельности министерства в целом. Присутствовавший при беседе стенографист зафиксировал наиболее важные ответы, но даже так получилось двадцать тысяч слов. Фрицше без устали повторял, что только в Нюрнберге ему открылась степень двуличия Геббельса. Как бы то ни было, большинство приведенных Фрицше фактов оставляли впечатление правдоподобия и, насколько мне удалось проверить, соответствовали истине.

Другими основными источниками по Геббельсу как мастеру пропаганды стали его стенографист Отто Якобс и фрау Инге Габерцеттель.

Геббельс постоянно держал при себе двух стенографистов для записи дневников, речей и статей, да еще на тот случай, если ему вздумается высказать свое мнение по любому поводу. Якобс был одним из них. Он согласился поработать на меня и записал по памяти около сорока тысяч слов, главным образом то, что ему диктовали для дневников. Разумеется, я был не вправе цитировать его материалы, но взял на заметку размышления Геббельса по тому или иному вопросу.

Фрау Инге Габерцеттель, сотрудница Германского информационного агентства, служившая вначале в министерстве пропаганды, а затем у Геббельса дома, работала со мной с августа 1945-го по март 1946 года. За эти месяцы она составила памятную записку объемом около двадцати тысяч слов, а также помогала мне в раскопках развалин министерства пропаганды. Ей посчастливилось найти несколько любопытных папок, сослуживших хорошую службу при написании этой книги. В дополнение она познакомила меня с другими бывшими служащими министерства, что расширило сферу моих исследований.

В так называемой частной жизни Геббельса на поверку тайн не оказалось. Материалов и свидетельств набралось даже больше, чем я мог использовать в книге.

Что касается прочих источников информации по неко-

торым другим темам, то нет необходимости упоминать их здесь. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что когда я описываю события, происходившие в действительности, – например, разговоры Геббельса с теми или иными людьми, – то основанием мне служат свидетельства собеседников Геббельса. В книге нет ни одного эпизода с людьми, которых я не смог расспросить. Так, я не привожу диалоги между Гитлером и Геббельсом, а только передаю то, что Геббельс рассказал о них третьим лицам.

Нельзя не сказать несколько слов о дневниках Геббельса.

Он вел свои записи почти всю свою жизнь. При написании биографии Геббельса я использовал некоторые отрывки из его рассказа «Михаэль», построенного в дневниковой форме на основе его ранних, позднее уничтоженных записей.

Дневники Геббельса за 1925–1926 годы, когда он был еще начинающим нацистским агитатором, обнаружила разведка союзников, я получил к ним доступ и мог цитировать их со всеми подробностями. Что касается остального, то вышеупомянутый г-н Якобс помог мне воссоздать поведение Геббельса во время тех или иных событий, особенно в последние месяцы жизни, когда он остался единственным вменяемым – или полувменяемым – в окружении Гитлера.

Я умышленно старался описать жизнь Геббельса без литературных красот, то есть не указуя перстом на то, что есть добро или зло, истина или ложь. Иным читателям может по-

казаться, что я под влиянием его речей стал питать к нему теплые чувства. Ничто не может быть столь далеким от правды. В ответ на подобные упреки я скажу следующее.

Нельзя писать о Геббельсе, как и о любом другом нацистском главаре, и полагать, что он может быть судим по закону нравственности. Общепринятые мораль и этика неприменимы к ним. Не хватит никаких виселиц, чтобы воздать им сполна за преступления. Бессмысленно указывать на какое-либо определенное зло вокруг Геббельса – вокруг него все было злом. Следовательно, необходимо рассматривать его жизнь и деяния, напроочь исключив нравственные соображения, – так же, как мы судим о спортсмене, состязающемся за приз: нам важно, добился ли он цели, установил рекорд или потерпел поражение. Вопрос остается открытым. Дух, которым были пропитаны его речи, не развеялся над руинами Третьего рейха. Геббельс надеялся, что его идеи переживут его, и, как вы поймете из книги, последние месяцы трудился в одиночестве над этой задачей. Почти все написанное им можно рассматривать как бомбу замедленного действия, как пропаганду, которая пускает корни в умах людей и приносит плоды лишь через пять, десять, двадцать лет.

Но даже это всего лишь часть проблемы, живым воплощением которой был Геббельс. Он не только заложил пропагандистскую бомбу замедленного действия с целью вернуть к жизни Гитлера через десять или двадцать лет – такой бомбой является внутренняя сущность его своеобразного пропаган-

дистского творения. Если у Геббельса найдутся последователи, если им удастся одурачить толпы и подменить реальность, если падут барьеры между действительностью и пожеланиями горстки безумцев, если человеческие существа превратятся в роботов, созидających и разрушающих по велению диктатора и его присных, если они будут плясать под дуду пропаганды, не ведая, что творят, бомба Геббельса взорвется. И тогда придет черед ядерных бомб, которые сметут всех нас в чудовищном, но очищающем катаклизме.

Часть первая

Битва

Глава 1

Путь к Гитлеру

1

Весной 1945 года во время одной из страшных бомбардировок Берлина, за несколько недель до падения Третьего рейха, министр пропаганды открыл сейф в своем домашнем бомбоубежище, достал пожелтевшую от времени фотографию и показал ее своим помощникам. На ней был пятилетний Пауль Йозеф Геббельс в темном бархатном костюмчике с белым кружевным воротничком. Худенький мальчик с несоразмерно крупной головой и большими серьезными глазами. Жалкое создание, нисколько не похожее на счастливо-го ребенка, – таково было впечатление присутствовавших.

В то время Геббельс, по общему мнению, был обычным здоровым мальчишкой. Несчастье настигло его в семь лет. Он заболел остеомиелитом – воспалением костного мозга. Ему прооперировали левое бедро, в результате чего левая

нога стала на четыре дюйма короче и высохла. Доктора сообщили родителям, что их сын останется на всю жизнь хромым и должен постоянно носить особую обувь и прочие ортопедические приспособления.

Позднее родилось расхожее мнение, ставшее едва ли не «официальной» легендой, что Геббельс появился на свет с изуродованной ступней. Есть веские основания полагать, что даже его ближайшие соратники не знали правды, хотя и ставили увечье ему в укор, разумеется, пока это еще было безопасно.

Грегор Штрассер, многие годы бывший вторым человеком после Гитлера в нацистской партии, зашел настолько далеко, что предположил, будто у Геббельса в жилах течет еврейская кровь, а в качестве доказательства приводил его увечье. Другой известный нацист, Эрих Кох, как-то сравнил Геббельса с Талейраном, который тоже прихрамывал и который поочередно предал всех своих сюзеренов. Тем самым он намекал на то, что Геббельс если еще не предал, то непременно предаст своих хозяев. Макс Аманн, влиятельный нацистский публицист, имел обыкновение называть Геббельса Мефистофелем, то есть дьяволом, которого в немецкой мифологии изображали «козлоногим».

Как министру пропаганды, Геббельсу не составляло труда опубликовать в прессе подлинную историю. Однако его фигура потеряла бы некий ореол в глазах немцев, перед которыми он предстал как человек, «отмеченный свыше». Об-

народовав правду, Геббельс вызвал бы в них сочувствие, а умело пользуясь магией пропаганды, даже завоевал их симпатии. Но он так не сделал. Он ставил перед собой задачу манипулировать мыслями и чувствами других лишь в пределах политической сферы. Собственная популярность его нисколько не заботила. В конечном счете он не испытывал к людям ничего, кроме презрения.

Даже в беседах с ближайшими своими сотрудниками он никогда не касался беды, постигшей его в детстве. Люди, проработавшие с ним бок о бок не один десяток лет, знали очень мало (вернее, ничего не знали) о годах, когда произошло его становление. Поэтому они искренне удивились, когда Геббельс показал им свою фотографию.

2

Тем не менее Геббельсу нечего было скрывать. Он не знал, что такое нужда, как Гитлер, не увлекался наркотиками, как Геринг, за ним не охотилась уголовная полиция, как за многими другими видными нацистами. Его юность прошла тихо и спокойно в окружении мелких буржуа.

Геббельс родился 29 октября 1897 года в Рейдте, промышленном городке долины Рейна с населением тридцать тысяч человек. Его отец, Фриц Геббельс, управлял небольшой текстильной фабрикой. Мать, Мария Катарина, родила троих сыновей – Конрада, Ганса и Пауля Йозефа, семнадца-

тью годами позже родилась дочь Мария. Семья жила небогато, хотя и владела двухэтажным домом на Принц-Эвгенштрассе, переименованной позже в Пауль-Йозеф-Геббельсштрассе. Родители исповедовали католичество.

Он рос одиноким, оторванным от братьев мальчиком, избегал компании соседских ребят и одноклассников, в чьих играх не мог участвовать. Страдая от своего физического недостатка, он изо всех сил старался доказать всему свету свое умственное превосходство. Он радовался любому случаю уязвить, унизить или выставить на посмешище своих сверстников. Из-за постоянных злорадных насмешек о нем стали говорить как о заносчивом, неуживчивом и придирчивом ребенке.

Взрослые его тоже не жаловали. Его передергивало, когда он слышал за спиной жалостливый шепот: «Бедняжка!» Он не терпел их снисходительные взгляды, ему была не нужна их жалость. Он убегал и прятался от них. Будь его воля, он бы вообще убежал из городка с его ненавистными улицами и домами, где царили мелочность и любопытство, где все подавляло. Он жаждал некоей вольности вне городских стен.

Многие его предки были родом из промышленных местечек. Его дед, Конрад Геббельс, плотничал и женился на Гертруде Маргарет, урожденной Роскамм, дочери крестьянина из Бекрата под Дюссельдорфом. Дед по материнской линии, кузнец Михаэль Оденхаузен, взял в жены дочь рабочего Иоганну Марию Керверс. Однако позднее, уже в универ-

ситете, Геббельс гордо заявил друзьям, что у него крестьянские корни. Герой его биографической новеллы «Михаэль» восклицает: «В моих жилах медленно, но верно течет крестьянская кровь». Затем, уже будучи министром, он заставил своих биографов произвести себя в потомки крестьянской семьи.

Чужак в родной семье, он единственно был привязан к матери. Он боготворил ее. Его подкупали ее простота, скромность и выдержка. Но более всего его восхищала ее неколебимая вера. До самого конца он снова и снова переживал впечатления, запавшие ему в душу еще в детстве: отец умирает от воспаления легких, доктора отказываются от него, но мать призывает детей, велит им взяться за руки и возносить молитвы. Сворачивается чудо – отец встает со смертного одра.

Возможно, история приукрашена, возможно, она выдуманна, но полностью соответствует духу Геббельса. Он безгранично восхищался и завидовал всем, в ком была истинная вера.

Мать с постоянной тревогой следила за сыном. Она молилась за него, они вместе посещали церковь и вместе читали молитвы. Будь у него силы, он пошел бы работать на фабрику. Но маленькому Йозефу этот путь был закрыт. Фрау Геббельс свято верила, что Господь вознаградил его за немощь: ее сын был слишком умен для простого рабочего, он погрузился в латынь и древнегреческий, жадно поглощал Цицерона и Вергилия, счастливо ускользнул в мир мертвых язы-

ков, населенный великими героями, где он, калека, найдет надежный приют. Для матери его страсть к книгам значила одно: Йозеф должен стать священником. А если он такой умница, почему бы ему в один прекрасный день не стать епископом?

Через друзей она свела знакомство с одним из руководителей Католического общества Альберта Великого. За два года до окончания гимназии его удостоили аудиенции, которая определила его будущее. Священник, с которым он беседовал, быстро понял, что перед ним один из самых умных людей, кого он встречал. Геббельс из наилучших побуждений легко завоевал его симпатии. Беседа длилась несколько часов, и к ее концу священник знал о Геббельсе больше, чем тот о себе самом.

«Мой юный друг, – сказал священник с оттенком печали, – ты не веришь в Господа». Хотя после этого радужные планы Геббельса несколько омрачились, был найден компромисс. Католическое общество вознаградило его, выделив стипендию на первые два года учебы.

3

Согласно свидетельствам матери, детское увечье оттолкнуло его от Бога и породило в нем цинизм и скепсис: поскольку судьба обошлась с ним слишком сурово, он не мог поверить в существование высшей справедливости. Ему бы-

ло ясно, что «правды» для него нет.

Война разразилась 1 августа 1914 года. В течение множества дней и ночей до и после этой даты военные эшелоны тянулись через долину Рейна и через Рейдт по направлению к бельгийской границе. Они везли солдат, которые уже готовились отпраздновать победу в Париже к Рождеству.

Вскоре германские войска глубоко вклинились во вражескую территорию, одна победа следовала за другой. Те, кто осознавал, что война против значительно превосходящих сил противника обречена на поражение, оказались в меньшинстве. Их точка зрения стала непопулярной. Школьные преподаватели изощрались в патриотических речах. Кайзер и его генералы представали перед учениками античными героями. За счастье почиталось жить в столь «героическую» эпоху, но еще большим счастьем казалось умереть за фатерланд.

Прихрамывающий Геббельс присоединился к 16–17-летним одноклассникам, желавшим пойти добровольцами на фронт. На призывном пункте ему приказали раздеться. Врач пощадил самолюбие увечного мальчика, жаждавшего исполнить свой долг, и тщательно осмотрел его. Но неминуемый вердикт был вынесен: *kriegsuntauglich* – к военной службе негоден.

Возвратившись домой, он заперся в своей комнате и зарыдал. Мать пыталась утешить его, но он отказался открыть дверь. Он страдал всю ночь напролет, словно пережил самое

большое разочарование. Может быть, он испугался, столкнувшись с суровой действительностью? Или же он попросту разыграл трагедию? Позже, в университете, он не без выгоды использовал свои фантазии. Когда преподаватели и студенты обращали внимание на его хромоту, он позволял им думать, что причиной увечья была война.

Пять лет учебы прошли не более счастливо, чем его детство в Рейдте. Он сменил восемь различных университетов. Сначала он поехал в Бонн, затем во Фрайбург, потом в Гейдельберг, оттуда в Вюрцбург, Кельн, Франкфурт и Берлин, откуда вернулся в Гейдельберг, наконец, в Мюнхен, а напоследок – снова в Гейдельберг.

Для немцев считается в порядке вещей учиться в разных университетах, но менять их каждые полгода – чересчур даже для Германии. Неумное желание перемен, отступление от цели и нерешительность очень характерны для Геббельса в молодости. Он изучал философию, историю, литературу, историю искусств – программа очень обширная, если ее вообще можно назвать программой. «Что я в самом деле изучаю? – писал он. – Все и ничего. Я слишком ленив и, думается, слишком глуп для какой-либо отдельной дисциплины. Я хочу стать мужчиной. Я хочу стать великой личностью!»¹

На фронте мальчишки – его сверстники – быстро мужали и

¹ П.И. Геббельс. «Михаэль». Эту книгу мы рассмотрим ниже. Здесь только следует указать, что, по свидетельству матери Геббельса, это произведение автобиографическое. (Примеч. авт.)

становились личностями, мало того, героями! И вдруг война закончилась. Еще осенью 1918 года Геббельс, которому уже исполнился двадцать один, писал матери, что «великая победа будет одержана до Рождества». Теперь он и миллионы немцев вдруг оказались побежденными. Боготворимый юношеством кайзер сбежал, а страну захлестнула революция. «Великая героическая эра» подошла к концу. Знаки различия быстро исчезли с формы демобилизованных офицеров: за ночь они превратились из героев в пособников империализма, преступников и реакционеров.

Учебные заведения заполнили молодые люди на костылях, с пустыми рукавами и покрытыми рубцами лицами. Поражение стало осязаемой реальностью. Миллионы молодых немцев уже ни на что не надеялись. Университеты стали политическими инкубаторами, студенты раскололись на фракции. Националисты и реакционеры лелеяли мечты восстановить монархию, развязать новую войну и отомстить за поруганную честь Германии. Левое радикальное меньшинство с напряжением взирало на Советский Союз и приветствовало коммунистический эксперимент. Некоторые возлагали надежды на молодую Германскую республику, но им нечего было предложить – у их лидеров не было ни таланта, ни страсти, ни идей. Они полагали, что Германская социал-демократическая партия предала рабочий класс. Положение в стране резко ухудшалось, народ голодал. Казалось, жертвы четырех военных лет были принесены напрасно. Никто не

ждал помощи, по крайней мере со стороны власти.

И еще одно обстоятельство вторглось в жизнь Геббельса: инфляция. Таинственным образом марка внезапно обесценилась. Еще вчера состоятельные люди вдруг оказывались без гроша и распродавали все ради хлеба насущного. Германию наводнили иностранцы и, пользуясь низким курсом марки, скупали недвижимость за бесценок.

Геббельс, и до того живший бедно, оказался на грани нищеты. У него был всего один костюм, и он мог себе позволить питаться не более одного раза в день, несмотря на то что мать посылала ему каждую сэкономленную марку.

4

«Он выглядел фанатиком. Точь-в-точь как Савонарола!» – отмечала женщина, знавшая Геббельса в Гейдельберге. Он был очень худым молодым человеком, с лицом аскета, темными глазами и зачесанными назад каштановыми волосами. Все сходились во мнении, что он был хорошо воспитан и безукоризненно вежлив. Женщины находили его задумчиво-очаровательным. Им было приятно вслушиваться в его мелодичный рейнский акцент.

В отличие от большинства студентов Геббельс говорил, что не интересуется политикой. Он мог бы повторить слова Гете по поводу американской революции: «В нашем узком кругу мы не обращаем внимания на газетные новости. Наша

цель – познание Человека. Что касается людей, пусть идут своей дорогой».

Он вновь отступил, на сей раз в литературу. «Что я в самом деле изучаю?» Его любимым преподавателем был профессор литературы Гейдельбергского университета Фридрих Гундольф. Он написал несколько работ о Гете и о Шекспире, в частности о влиянии последнего на немецких классиков. Это был высокий мужчина с приятной внешностью, но не от мира сего. Не многие студенты смогли свести с ним близкое знакомство. В то время он был душой так называемого кружка «Георге», названного так по имени Стефана Георге, видного поэта того времени². В него входили литераторы и эстеты, в основном анемичные юноши, более погруженные в свои вирши, нежели в события текущего дня.

Геббельс высказал желание стать членом кружка «Георге» и отрекомендовался профессору писателем, но Гундольф, хотя и находился под некоторым влиянием молодого студента, в конечном счете отказал ему.

Лекции Гундольфа по немецкому романтизму увлекли Геббельса, он был очарован духом работ братьев Шлегель, Тика, Новалиса и Шеллинга. Он с головой ушел в мир столетней давности и написал докторскую диссертацию по эпохе романтизма под названием «Вильгельм фон Шютц. Вклад в историческую драму романтической школы». Профессор

² Стефан Георге (1868–1933) – поэт-символист, апологет чистого искусства и мессианства, в его произведениях заметно влияние Ницше. (Примеч. ред.)

фон Вальдберг, его научный руководитель, получил от юного Геббельса благодарственное письмо, где тот вновь повторял, сколь многим обязан своему учителю. Нелишне заметить, что фон Вальдберг был полукровкой, а Гундольф – чистокровным евреем.

Позднее Геббельс понял, что его раннее увлечение немецким романтизмом было не более чем мимолетным. Став министром пропаганды, он не только изъял свою докторскую диссертацию из библиотеки Гейдельбергского университета, но и в своей официальной биографии поменял ее название на «Духовно-политические течения раннего романтизма», придав таким образом своему литературному труду, хотя и задним числом, политическую окраску.

5

Незадолго до того, как написать докторскую диссертацию, Геббельс пережил свое первое любовное увлечение. Из дома он уехал невинным юношей. Рейдт был слишком маленьким и слишком ортодоксальным городком, чтобы в нем смотрели сквозь пальцы на случайные связи. Во втором семестре во Фрайбурге Геббельс влюбился.

«Передо мной сидела юная студентка. Что за удивительное создание! Шелковистые светлые волосы сплетались в тяжелый узел на прелестной шее, словно выточенной из белого мрамора. Она задумчиво смотрела в окно, а стыдливый сол-

нечный зайчик плясал вокруг ее головы... Я прислушивался к ее неровному дыханию, я ощущал тепло ее тела, вдыхал аромат ее волос. Рука ее небрежно покоилась на столе, длинная, узкая, белая, как свежесвыпавший снег...» И еще: «Часами я бродил ночью, светлой от звезд. В душе моей звучала прекрасная музыка. Все во мне пробуждалось к новой жизни...»³

Это было одно из трех серьезных любовных увлечений в его жизни. Ее звали Анка Гельгорн. Она была выше его ростом и чрезвычайно милостивая.

Хотя их идиллия длилась всего четыре месяца, Геббельс не мог ее забыть. Спустя десять лет, уже будучи министром пропаганды, он поведал приятелю историю первой любви. Его откровения отличались типичными для него цинизмом и тщеславием.

«Она предала меня ради молодчика с туго набитым кошельком – он мог себе позволить водить ее в рестораны и на представления, – сказал Геббельс. – Какая глупость! Разумеется, наша связь не могла продолжаться вечно, но, так как я был ее первым любовником, я бы женился на ней. Представь себе, сейчас она была бы женой министра пропаганды. Должно быть, она кусает локти от досады».

Какие бы чувства ни испытывала к нему Анка, она не остановилась перед тем, чтобы добиться встречи с Геббельсом в 1934 году. К тому времени она успела выйти замуж

³ П.И. Геббельс. «Михаэль». (Примеч. авт.)

и развестись и была вынуждена зарабатывать на жизнь. Геббельс дал ей работу в одном из крупнейших журналов – «Ди даме». После закрытия журнала он подыскал ей другое место.

Анка не делала тайны из бывлой дружбы с Геббельсом и часто показывала друзьям книгу с его дарственной надписью. Это была «Книга песен» Г. Гейне⁴.

6

Неудачная первая любовь наложила отпечаток на всю его жизнь. В последующие двадцать лет он обладал многими женщинами, но его, наверное, постоянно мучили подозрения, он сомневался в истинности их чувств, снова разочаровывался и снова пускался на поиски женщины, которая полюбила бы его ради него самого.

Когда Анка бросила его, он какое-то время избегал женского общества. Геббельс попытался сблизиться с одним из приятелей студенческих лет, неким Рихардом Флисгесом, с которым он встретился тоже во Фрайбурге. Тяжело раненый ветеран войны Флисгес был удостоен многих наград за храбрость, но его умственные способности были не столь заметны. Он провалился на вступительных экзаменах в университет, специально облегченных для демобилизованных.

⁴ Любопытен тот факт, что Г. Гейне, как еврей, был запрещен в Германии нацистами. (Примеч. ред.)

Единственным его интересом была политика. Здесь он, по крайней мере, не знал сомнений. Политика, объяснял он Геббельсу, есть естественное явление. «Всякий мужчина, ставший отцом, тем самым уже связан с политикой». (Позднее Геббельс использовал его мысль слово в слово в своем «Михаэле».) Флисгес ненавидел войну и называл ее империалистической, он ненавидел кайзера, втянувшего Германию в войну, ненавидел современных ему социалистов и либералов, по чьей вине страна голодала. Он был коммунистом.

Он дал Геббельсу работы Маркса и Энгельса, среди них «Гражданскую войну во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Интернационалист и пацифист Флисгес познакомил Геббельса с трудами Вальтера Ратенау, немецкого промышленника, государственного деятеля и философа, который в противовес немецким милитаристам породил выражение: «Никогда не придет тот час, когда кайзер станет покорителем мира и вместе со своими рыцарями проедет на белом коне под Бранденбургскими воротами. В тот день всемирная история потеряет всякий смысл, а ни один из сильных мира сего, участвовавших в войне, не переживет этого»⁵.

Заинтригованный Геббельс погрузился в книги Ратенау. Он с увлечением читал либеральную газету «Берлинер тагеблатт», выступавшую против войны и поддерживавшую Веймарскую республику. Геббельс послал туда около пятидеся-

⁵ В. Ратенау. «Кайзер». (Примеч. авт.)

ти статей, среди них «Христианская мысль и социализм», «О социализации» и «Социология и психология». Главный редактор Теодор Вольф отверг их все.

Флигес, равнодушный к русским, снабдил его произведениями Достоевского. Великий русский писатель привел его в восторг и взволновал. Во многих характерах Геббельс узнавал знакомых юных интеллектуалов, узнавал Флигеса, узнавал себя. Он понял, что Достоевский был невысокого мнения об интеллигенции и сомневался в пользе чтения и раздумий. «Вера вам нужна...»⁶ – проповедовал он устами одного из героев⁷.

Вера – но во что? И кому верить? Реакционеры и левые обвиняли друг друга в предательстве и в помешательстве. Как только Геббельс узнавал их поближе, он обнаруживал перед собой горстку молодежи, мечущейся из стороны в сторону. Перед его аналитическим умом их словеса оказывались бессмысленным фразерством, а обещания – пустыми посулами. Опереться было не на что – вокруг был вакуум. Он жаждал вдохновения, хотел быть похожим на других, он жаждал веры. Ему была нужна уверенность.

Флигес, человек более простой по натуре, такой уверенностью обладал, по крайней мере, так казалось Геббельсу.

⁶ Комментарии к «Бесам». (Примеч. авт.)

⁷ У Достоевского: «...Вера вам нужна, чтобы народ абрютировать...» Абрютировать – приводить в скотское состояние. Таким образом, Геббельс более верно понял мысль и взял ее на вооружение. (Примеч. ред.)

Флисгес верил, в нем была вера. Геббельс последовал за ним, как за своим первым фюрером. Возможно, вернее было бы сказать, что он боялся остаться в одиночестве, что, руководствуясь только собственным разумом, он находил бы порок во всем и вся жизнь стала бы ему казаться не заслуживающей продолжения. Он впал бы в пропасть нигилизма. Его болезнь была сродни болезни Петра Степановича Верховенского из «Бесов» Достоевского, который кричал: «Ставрогин... я нигилист, но люблю красоту. Разве нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну а я люблю идола! Вы мой идол!.. Мне, мне именно такого надо, как вы. Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк... Что вы смотрите на меня? Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха, идея в стеклянке, Колумб без Америки».

7

Но Геббельс не слишком долго находился под неограниченным влиянием Флисгеса. Второй год их дружбы не был отмечен ничем, кроме бесконечных интеллектуальных баталий. Геббельс исподволь начал понимать, что Флисгес, столь уверенный на вид, в глубине души подобен ему самому: он стоял на грани падения в пропасть нигилизма. Ему было горько, он пал духом, в нем тлела ненависть к каждому немцу. Иногда казалось, что коммунизм Флисгеса есть не что

иное, как своеобразное выражение всеобъемлющей ненависти.

Неужели немцы и в самом деле глупы, напрочь лишены здравого смысла и недостаточно цивилизованны, как утверждает Флигес? Но разве сам Достоевский не назвал их «великой, гордой и особой нацией» – особой в том смысле, что она внушает уважение? Особой в том смысле, что они стоят особняком? По Достоевскому, вера в немцах была оправданной. По Достоевскому, англичане – нация дельцов, а французы – дикое смешение рас и народов, создавшее нежизнеспособную демократию.

В любом случае Достоевский был первым и самым главным из русских. Почему же он, Геббельс, не может стать первым и самым главным из немцев? Тогда у него был бы не просто человек, на которого можно опереться, его поддерживала бы целая страна, миллионы людей.

Национализм Геббельса происходил не из понимания подлинных интересов Германии, о них он не знал ровным счетом ничего. Не было это и любовью к немецкому народу. К нему он питал смешанное чувство презрения и отвращения. Геббельс хотел понять, кто же он такой, он мечтал о великой и славной Германии.

Его национализм не был порождением естественной любви к дому, семье, друзьям, иными словами, семейной привязанностью в более широком смысле. Напротив, это было бегство от всего, что его до сих пор окружало: подальше

от семьи и родного города, которые не давали ему забыть о своем уродстве. Подальше от интеллигентов левого толка, от профессора Гундольфа, от редакторов «Берлинер тагеблатт», отвергших его статьи, от Флисгеса, хотевшего обратиться к нему в свою коммунистическую веру. Подальше от эстетики жизни, от удобной мудрости философов и поэтов, подальше от Гете, пред которым он преклонялся (и над которым насмеялся позднее), от Гете, сказавшего: «Оставим политику солдатам и дипломатам».

Придя к национализму, Геббельс в определенном смысле предал все, чем прежде восхищался и для чего жил.

Его шовинизм был проникнут мистицизмом. Достоевский верил в особое предназначение России, Геббельс теперь верил в то, что Германии предстоит оставить свой особый след в истории – в современной ему истории. Вернее, он нуждался в подобной вере. Исходя из нее, его рассуждения строились предельно просто: все, кто принадлежит к немецкой нации, изначально неполноценны и не принимаются в расчет. «Я провожу много времени в кафе, – писал он в «Михаэле», – и встречаю множество людей из разных стран. Поэтому я все больше и больше люблю все немецкое. Увы, это стало редкостью в нашем отечестве».

Будучи калеккой, он чувствовал себя неполноценным рядом с большинством людей. Несмотря на свой недостаток, иногда ему удавалось насладиться своим превосходством над средним индивидуумом благодаря интеллекту. Но со

времени окончания школы его постоянно отвергали те, кто стоял выше его интеллектуально. Например, профессор Гундольф, редактор «Берлинер тагеблатт» Теодор Вольф. Они оба были евреями, точно так же, как и Вальтер Ратенау, чьи-ми книгами он зачитывался. Как и Карл Маркс.

До этих пор Геббельс не был ярким антисемитом, хотя в университетах, где он учился, антисемитские настроения усилились, и даже стало модно обвинять евреев за все неудачи Германии, включая поражение в войне. Геббельс был знаком со многими евреями, с некоторыми даже был близок. Теперь он оборвал знакомство с ними. Он решил для себя, что немцы превосходят другие нации, а евреи – не немцы. Наконец-то он смог почувствовать в душе превосходство над всеми евреями, и не важно, что когда-то он восхищался ими, искал их дружбы, пытался писать для них страстные статьи.

Приняв подобную философию, он принял и все ее внешние атрибуты. «Евреи физически отвратительны. При виде их меня начинает тошнить»⁸.

Такого рода национализм породил милитаристский угар. Если одна нация или раса лучше других, то эти другие должны быть покорены и по возможности уничтожены. Провозглашалась война ради войны: только на поле брани германская нация сможет полностью выказать свои героические качества. Пацифизм многих евреев (наподобие редактора «Берлинер тагеблатт») делал их вдвойне ненавистными.

⁸ П.И Геббельс. «Михаэль». (Примеч. авт.)

Если кто-то отваживался сказать, что четырехлетняя мировая война была бессмысленной, Геббельс отвечал: «Бессмысленная? О нет! Так может показаться со стороны. Но война выразила во всей полноте наше желание жить. И хотя мы не достигли цели, мы еще выполним свое предназначение... В один прекрасный день миллионы закричат в один голос: конец бесчестию... Фатерланд принадлежит тем, кто его освобождает. Где оружие?»⁹

Он, никогда не державший в руках оружия, рядился в тогу бывалого вояки с глубоким убеждением, что такова его вторая натура. Он словно зажил другой жизнью, плел небылицы о боевом опыте, которого у него не было и в помине, отождествлял себя с «героической эрой», о которой знал понаслышке, выдавал себя за одного из героев. Он так много выступал в этой роли, что в конце концов сам себе поверил. При этом он умалчивал о Рихарде Флисгесе, который и в самом деле был героем, а потом проклял войну. Дороги друзей разошлись. В конечном итоге Флисгес стал горняком и погиб в шахте в июле 1923 года.

За десять месяцев до этого Геббельс встретил человека, который отныне станет тем, кем не довелось стать Флисгесу: человеком, который поведет за собой не только его, но и всех немецких «патриотов».

⁹ П.И. Геббельс. «Михаэль». (Примеч. авт.)

Бесспорно, Мюнхен в те дни был центром всяческих движений и заговоров. Здесь располагались представительства многих крайне правых партий. Здесь собирались бесчисленные группы и клубы с двусмысленными названиями и далеко не безобидными намерениями. Так называемый «Вольный корпус» – по сути, союз наемников – вербовал в свои ряды ветеранов: солдат и офицеров, тосковавших без войны. Здесь же находился штаб и командование подпольной армии, «Черного рейхсвера». Здесь росли как грибы тайные организации, не скрывавшие своей цели – свержение Германской республики.

Геббельс провел семестр в Мюнхенском университете. Старинный город очаровал его, он полюбил его изысканную архитектуру, рестораны, кафе, маленькие ночные клубы. Ему нравился Швабинг, излюбленное место встреч художников и литераторов – когда-то он мечтал быть принятым в их обществе. Но по возвращении в Мюнхен 1922 года он не стал тратить время на кафе или на концерты. Он стал ходить на конспиративные сборища, он стал одним из заговорщиков.

Парни из «Вольного корпуса» приводили его в трепет. Они были сильными и рослыми, пройдя войну, они не боялись ничего, кроме мирной жизни, они в равной степени

ненавидели и капиталистов и рабочих. Они были головорезами и зачастую гомосексуалистами, они хвастались своими подвигами, на все лады ругали республику и бражничали. Они были дикими животными, бесчувственными и невосприимчивыми к влиянию цивилизации. В некотором роде они представляли собой целое поколение молодых немцев, разочарованных и войной и революцией, подошедших к черте, за которой были цинизм и преступление. Хотя они стояли ниже Геббельса, он завидовал им. Они не ведали запретов, они действовали, в то время как Геббельс предавался унынию. Ему достало ума рассмотреть за их бравадой дутый патриотизм, но он поддался их чарам.

В июне 1922 года тогдашний министр иностранных дел Германии Вальтер Ратенау был убит единомышленниками тех, с кем теперь свел дружбу Геббельс. Они рассказывали о преступлении так, словно это был достойный уважения поступок патриотов. Что почувствовал Геббельс после убийства человека, которым он прежде восхищался, мы никогда не узнаем. Годы спустя он опубликовал ряд статей, где прославлял убийц. Впрочем, к тому времени он сам стал одним из них.

На той же неделе Геббельс пошел на митинг одной из многих националистических партий. Его внимание привлекли огромные плакаты. Он был поражен, когда обнаружил, что в крупнейшем мюнхенском зале «Кроне–цирк» яблоку негде упасть. Восемь тысяч собравшихся были огромной цифрой

для города с полумиллионным населением.

На трибуне стоял человек. Геббельс не мог разглядеть его черты, софиты были направлены так, чтобы того не распознали. Он даже не мог разобрать, блондин тот или брюнет, бородат или гладко выбрит. В программе было написано: герр Адольф Гитлер. Геббельс слышал о нем как об одаренном политике. Сейчас он заговорит, и Геббельс сам поймет...

«Я с трудом осознал, что кто-то поднялся на трибуну и стал говорить, вначале с некоторым колебанием, как бы подыскивая слова поточнее, чтобы выразить величие мысли, которой были тесны рамки обычного языка. Потом вдруг речь обрела невиданную силу. Я был захвачен, я вслушивался... Толпа встрепенулась. Осунувшиеся серые лица озарила надежда. Кое-где люди потрясали кулаками. Сосед растянул воротник и утирал пот со лба. За пару мест от меня старик офицер плакал как дитя. Меня бросало то в жар, то в холод. Я не понимал, что происходит, это было похоже на канонаду... Я не мог сдержаться, я закричал «Ура!». И никто не удивился. Человек, стоявший наверху, встретился со мной взглядом. Его голубые глаза словно зажгли меня. Это был приказ. В одно мгновение я переродился... Теперь я знал, каким путем мне идти...»

Гитлер заговорил, и Геббельс воспринял его слова как приказ. Гитлер заговорил, и все сомнения Геббельса улетучились.

Приказ. Геббельс после стольких лет сомнений теперь знал, какой путь следует выбрать. Гитлер не оставлял места скептицизму и инакомыслию. Он говорил, а толпа рукоплескала. Задавать вопросы или возражать было бессмысленно. Штурмовики, окружившие зал, умирляли всякого, кто пытался противоречить фюреру. Фюрер! Вождь! Уже в первые дни Гитлер присвоил себе этот титул. Это значило, что все решения принимает он. Он диктует свою волю, а его последователи аплодируют, клянутся в верности и не несут ответственности.

Никакой ответственности, никаких вопросов, никаких возражений. Могут ли взрослые вести себя как дети? Может ли человек, подобный Геббельсу, чей аналитический ум находил изъян во всем, всецело подчиниться Гитлеру?

Их первая встреча дала ответ на вопрос. В личности Гитлера Геббельс нашел то, что бессознательно искал все эти годы: он мог наконец снять с себя всяческую ответственность, избавиться от необходимости принимать решения. Это было окончательное бегство от самого себя. Но почему именно Гитлер? Что было в Гитлере, что предопределило его как наставника Геббельса?

А было вот что: сам Гитлер не знал сомнений. Гитлер обрел веру в своих же проповедях. Никогда с тех пор, как он покинул отчий дом, Геббельс не встречал человека, преисполненного столь нерушимой верой. «Этот человек опасен, потому что верит в то, что проповедует», – писал Геббельс

о Гитлере¹⁰.

И далее: «Тайна его влияния в его фанатичной вере в свое движение, а следовательно, в Германию». Всякий заметит изумление Геббельса, сквозящее в этих строках, изумление перед человеком, свято верящим каждому своему слову. Геббельс на такое не был способен, в этом и заключалась разница между ним и Гитлером. Отсюда следовал вывод о том, что превосходство Геббельса не имеет ни малейшего значения, фюрер будет надежно защищать его от себя самого и от опасности нигилизма. Отбросив все критические соображения, отбросив все сомнения, он тотчас же признал своего господина и понял, что отныне скован с ним одной цепью, как Верховенский со своим идолом Ставрогиным: «Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха, идея в стеклянке, Колумб без Америки».

Вот почему Геббельс подошел к столику у входа и поставил свою подпись на бланке заявления о приеме в члены Национал-социалистической рабочей партии Германии. Он заполнил анкету и получил билет за номером 8762.

Через минуту он вышел из здания и успел увидеть Гитлера – тот сел в автомобиль и уехал.

¹⁰ П.И. Геббельс. «Так говорит Гитлер». 19 ноября 1928 года. (Примеч. авт.)

Глава 2

Ученик чародея

1

11 января 1923 года французские и бельгийские войска оккупировали Рур на том основании, что, выражаясь словами премьер-министра Франции Пуанкаре, правительство Германии и не собиралось выполнять условия Версальского договора. Для Германии это был гром среди ясного неба. Рейхспрезидент и социал-демократ Фридрих Эберт обратился к народу и призвал к бескровному сопротивлению. Народ не заставил себя упрашивать. Поезда остановились, почта не доставлялась, заводы стали. Это стоило денег, и в Берлине запустили печатный станок. За первые четыре недели оккупации Рура курс доллара возрос до пятидесяти тысяч марок.

Французские войска допустили несколько серьезных инцидентов: грабежи, кражи и даже убийства, в сущности, то, что и случается при оккупации. Немецкая пропаганда ухватилась за это. Населению в неоккупированной части Германии живописали о непотребном поведении французских генералов и их любовниц, о том, как французские офицеры избивают немцев на улицах, о том, что немцам запрещается ходить по тротуарам, и, наконец, о том, что зуавы – цвет-

ные солдаты из Северной Африки – насилуют белокурых немецких девушек. Это называли не иначе, как «черным позором». Вскоре эти слова стали расхожими во всей Германии.

Члены «Вольного корпуса» и противники республики воспользовались случаем и перешли от пассивного сопротивления к активному. Многие из тех, кого Геббельс знал по Мюнхену, и среди них лидеры «Вольного корпуса» Хайнц Хауэнштайн и Ганс Хайн, приехали в Эльберфельд – городок на границе оккупированной зоны – для организации саботажа. Им помогали два уроженца здешних мест: Карл Кауфман и Эрих Кох, вскоре ставшие видными нацистами.

Геббельс возвратился в Рейдт и зажил прежней жизнью в своей маленькой детской комнате. На лучшее у него не было денег. Большую часть времени он пребывал в тягостных раздумьях, лишь изредка перебрасываясь парой слов с братьями и младшей сестрой Марией. Между ними была открытая вражда. В конце концов, разве они не откладывали каждый грош, чтобы дать ему возможность учиться? Но Геббельс их разочаровал, у него не было ни малейшего намерения приобрести профессию и отплатить им за добро. Они считали его лентяем.

Он и был лентяем. Но днем. Вечером он закрывался в своей каморке и писал всю ночь напролет.

К утру, уже без сил, он кидался на постель и забывался во сне.

Когда до него дошли известия о беспорядках в оккупированном Руре, ничто не могло удержать его в Рейдте. У него состоялась долгая беседа с матерью, и она безропотно отдала ему свои жалкие сбережения. Готовый взяться за любое дело, какое ему поручат, готовый бросить вызов всем и вся, он сел на поезд, идущий в Эльберфельд, до которого было всего несколько миль. Некоторые насмеялись над ним: убогий, он не смог бы даже бежать в случае опасности.

2

В Эльберфельде заговорщики планировали подпольные боевые действия против оккупантов. Идея состояла в том, чтобы наносить удары часто и ощутимо. Это не было войной в полном смысле слова, люди из окружения Хауэнштайна и Хайна были диверсантами, они взялись за опасное дело: взрывали мосты и железнодорожные составы, убивали французских офицеров и их приспешников из числа немцев.

Одним из самых активных из них был Альберт Лео Шлагетер, молодой человек из эссенского отделения. 14 мая 1923 года он взорвал железную дорогу между Дюссельдорфом и Дуйсбургом, чем прервал сообщение в оккупированной зоне. Французы выследили его и схватили. В надежде на помилование он раскрыл перед военным трибуналом всю деятельность подпольной организации (как он сам в этом признался в письме, написанном Хауэнштайну из тюрьмы). Но

предательство не спасло его. 26 мая он был расстрелян.

Шлагетер поведал также, что промышленные магнаты Густав Крупп и Фриц Тиссен были замешаны в заговоре. Они выплачивали немалые суммы за услуги таких «борцов за идею», как Хауэнштайн, Хайн, Кауфман, Кох и Геббельс. Да, и Геббельс тоже! Равным образом было скомпрометировано правительство Германии. Оно было вынуждено уйти в отставку, а новый кабинет отказался от политики пассивного сопротивления.

В качестве не участника, а только наблюдателя Геббельс стал свидетелем плачевного конца рурского сопротивления. Ему удалось только создать ячейки нацистской партии в неоккупированной части Рейнской долины, в основном в студенческой среде. Он выступал перед группами в десятках-другой человек в задних комнатах пивных. Собравшиеся с удовольствием слушали его.

Положению, в котором оказался Геббельс, будет суждено повторяться до бесконечности. Сам он не мог действовать, зато он мог говорить. Теперь, когда борьба была закончена, он, калека, мог выйти на первый план, теперь, когда все опасности были позади, он мог витийствовать. Раз уж ему не дано стать героем, он станет пропагандистом.

Он говорил о Шлагетере. Он не признавал, что Шлагетер был, попросту говоря, наемником, да еще и совершил самый гнусный и низкий поступок: выдал своих товарищей. Отнюдь. В своих речах он искусно переиначивал факты и по-

мещал легенду точно в нужное место. Он превращал осведомителя в героя, в патриота без страха и упрека, в мученика, который предпочел смерть, но не предал свое дело.

И Геббельс говорил. Каждый вечер он обращался к новой аудитории. Его голос звучал так страстно, словно его собственная жизнь зависела от того, сумеет ли он убедить своих слушателей и себя самого. В первую очередь себя самого. Возможно, именно поэтому его речи и были настолько яростными и убедительными даже в ранние годы.

Так Шлагетер стал героем. А что же он сам, Геббельс? Он только говорил и вдруг тоже оказался героем. Он рассказывал слушателям необыкновенные, захватывающие дух истории: якобы он работал в оккупированной зоне под разными именами, он основал множество ячеек нацистской партии под вывесками безобидных клубов, он долгие недели руководил ими, и, наконец, он был предан – разумеется, евреями. Он в подробностях описывал встречу с французским генералом (в некоторых версиях генерал представлял бельгийцем). Его избивали до полусмерти. Далее история повествовала о том, что ему пришлось покинуть оккупированную зону, зато, торжествующе сообщал он слушателям, там все-таки остались ячейки нацистской партии. Кстати, видные деятели нацистского движения не принимали его легенду всерьез и открыто требовали от Геббельса доказательств.

Так таинственные похождения бесстрашного бойца, охромевшего от тяжелых ранений, обрели реальность в образе

подпольщика и борца против французских оккупантов.

3

После окончания подпольной войны Геббельс не вернулся домой. Он бы не смог вынести встречи лицом к лицу с родными, их вопрошающих взглядов и немых укоров. Он остался у друзей в Дюссельдорфе. Ему приходилось спать на диване в гостиной, пока ему не давали понять, что гостеприимству есть предел, и тогда он перебирался к очередному приятелю. Когда его приглашали к столу, он ел. Но чаще нет. В карманах было пусто.

Всей Германии 1923 год принес голод, лишения и безработицу. Эти обстоятельства помогли Геббельсу рекрутировать новых членов партии, и его речи становились зажигательней пропорционально растущей нищете, однако ни его энтузиазм, ни новоиспеченные нацисты не давали хлеба насущного.

Он решил бросить политику. Он снова возьмется за перо, он станет *freier Schriftsteller* – свободным литератором.

Он сочинил пьесу под названием «Странник» и автобиографический рассказ «Михаэль». Пьеса, написанная в стихах, никогда не была напечатана. Сюжетом он взял жизнь Иисуса Христа. Через два года появилась еще одна пьеса – «Одинокий гость», – и опять в стихотворной форме. Ее тоже

не принял ни один режиссер¹¹.

«Михаэля» опубликовали в 1929 году, и позже, когда Геббельс стал министром пропаганды, рассказ имел успех. Для Геббельса он имел особое значение, он называл его лирической песней в прозе. Он даже заявлял, что написал бы немало подобных вещей, если бы не оказался втянутым в политику. Но по мнению тонких и знающих критиков, это был совершенный вздор, набор беспомощных и незрелых мыслей. По большей части там были банальнейшие афоризмы наподобие следующих:

«Всякому человеку нужна мать».

«Я ищу учителя, настолько простого в величии, чтобы быть великим в простоте».

«Я остался без гроша. Деньги – грязь, но грязь – не деньги».

Помимо таких перлов, книга содержала изрядную толику белых стихов, навеянных немецкими экспрессионистами 20-х годов. Ни стихи, ни сама проза не имели особого смысла и даже в глазах самого Геббельса обладали сомнительной ценностью. Он пришел к выводу, что молодой человек не должен искать спасения в интеллекте, что его истинное спасение – физический труд. Единственное затруднение состояло в том, что Геббельс не мог жить по собственным рецептам.

¹¹ После прихода к власти нацистов «Странник» шел некоторое время на сцене, но публика принимала его холодно, и Геббельс убрал ее из репертуара. (Примеч. авт.)

Отказавшись от борьбы ради интеллектуального спасения, что он обрел взамен? Ответ он видел ясно: провал.

Гитлер тоже потерпел неудачу, но сумел подготовить себе театральное возвращение. Художник-неудачник стал теперь лидером политической партии и 9 ноября 1923 года сделал решительный шаг вперед. Он устроил путч. Переворот провалился из-за бездарных действий, да к тому же время его еще не пришло. Впрочем, начало было впечатляющим, но потом путч лопнул как пузырь. Гитлер исчез, но его выследили, схватили и посадили на скамью подсудимых.

Геббельс лихорадочно следил за событиями в Мюнхене по прессе. Он был взволнован и обескуражен. Неужели судьба никогда не позволит ему оказаться в гуще событий? Все остальные были в Мюнхене: Гиммлер, Штрайхер, Гесс, Рем, Геринг. Один Геббельс не пережил этот исторический опыт.

Печальный итог путча глубоко потряс его. Но когда Гитлер предстал перед судом, Геббельс испытал облегчение. В отличие от Шлагетера фюрер не собирался облегчить свою участь, перекладывая свою вину на других. В сущности, он даже не пытался защищать себя. Он блестяще продемонстрировал справедливость трюизма о том, что лучшая защита – нападение и, что намного существеннее, что из любой защиты можно сделать хорошую агитацию. Зал суда превратился в театр одного актера, и миллионы людей, прежде и не слышавших ни о Гитлере, ни о нацистах, в один день узнали о них все.

«Армия, которую мы создаем, растет день ото дня, от часа к часу, все быстрее и быстрее, – говорил Гитлер в своем последнем слове. – В эти дни я питаю гордую надежду, что отряды штурмовиков вскоре станут батальонами, батальоны – полками, полки – дивизиями... И тогда мы услышим голос того единственного трибунала, который имеет право судить нас, он раздастся из могил. Не вам нас судить, господа судьи. Это будет суд Истории. В ваших силах вынести нам хоть тысячу приговоров, но в вечном суде Истории председательствует Господь, и он с насмешкой отвергнет все ваши обвинения вкупе с вашим вердиктом и оправдает нас».

Геббельс был только начинающим пропагандистом, но он мгновенно понял, что Гитлер достиг совершенства и мастерски разыграл пропагандистскую пьесу. В порыве восторга он сел и написал Гитлеру письмо.

«Подобно утренней звезде Вы явились нам и чудесным образом просветили нас во мраке неверия и отчаяния. Вы дали нам веру. Вы возвысились над толпой, Вы были преисполнены надежды на будущее, вами владело желание освободить эту толпу, в Вас была безграничная любовь ко всем, кто верит в возрождение рейха. Впервые перед нашими горящими глазами предстал человек, сорвавший маску с жалких и ненасытных парламентариев. Мы увидели человека, который показал нам, сколь бесстыдно и глубоко прогнило наше общество, где мы выбираем себе вождей в соответствии с числом навербованных ими сторонников и ловкими реча-

ми... В мюнхенском зале суда Вы достигли величия фюрера. Ваши слова – величайшая речь, каких не звучало в Германии со времен Бисмарка. Вы выразили не только собственную боль и желание бороться. Вы определили то, в чем нуждается целое поколение, запутавшееся в поисках вождей и целей. То, что Вы сказали, есть катехизис новой политической веры, родившейся в отчаявшемся, потерпевшем крах мире безбожников. Благодарю Вас. Когда-нибудь Германия отблагодарит Вас...»

Это было неподдельное выражение восторга, на который Геббельс еще был способен. Не преклонение ученика перед учителем, не благоговение молодого человека перед своим идолом, но восторг пропагандиста-любителя перед мастером пропаганды. Несмотря на то что Геббельс еще не стал настоящим умельцем в делах пропаганды, он не ограничился тем, что просто написал письма, он снял с них копии. А через два года, когда подвернулся случай, опубликовал их. Это уже была зрелая пропаганда и в пользу себя самого, и в пользу Гитлера.

4

Обстановка в Германии улучшилась. Марка остановилась на отметке четыре триллиона двести миллиардов за доллар. Это маленькое чудо не без оснований приписывали новому президенту рейхсбанка Яльмару Шахту, в ту пору человеку

прогрессивных тенденций.

Большинство немцев придерживалось мнения, что республике удастся выжить. Крайне левые и крайне правые терпели поражение за поражением. Нацисты стремительно теряли сторонников. Избрание президентом Пауля фон Гинденбурга, бывшего начальника генштаба, монархиста и националиста старой закваски, выбило у них почву из-под ног. В 1924 году на выборах в рейхстаг наци получили всего девять мест.

Геббельс искал работу. Нацистская партия, расколотая на фракции после ареста Гитлера, дробилась все дальше и не могла ему ничего предложить. Наконец, в Эльберфельде Франц Вигерсхаус взял его к себе личным секретарем за сто марок в месяц¹². Вигерсхаус был депутатом рейхстага от Партии народной свободы. Вместе с соратниками он издавал эберфельдскую еженедельную мелкую газетенку «Фелькише фрайхайт». Геббельсу поручили редактировать ее. Кроме того, он должен был готовить речи для Партии народной свободы, чей жизненный интерес состоял в том, чтобы покончить с другими националистическими фракциями и поглотить их. Отсюда следовала задача Геббельса: обрушиться на соперников и доказать публике, что у них нет будущего. Одной такой партией «без будущего» была партия нацистов.

¹² В 1923 году была введена так называемая рентная марка, равная триллиону старых, а в 1924 году – рейхсмарка с тем же номиналом. Таким образом, эта сумма была равна двадцати четырем долларам. (Примеч. ред.)

Сотня марок в месяц были не бог весть какими деньгами. Да и работа не приносила удовлетворения – жалкая газетенка без влияния. Люди, которым он адресовал свои речи, были глупы и приходили в раздражение от первых же лозунгов. Тупицы, они, по мнению Геббельса, не многого стоили. Ему было неприятно, он чувствовал себя не на месте, словно «хороший актер на провинциальной сцене», как он писал домой. Он зря терял свое время. И он опять стал подумывать о писательстве.

Как-то вечером послушать его речь пришел высокий породный мужчина – Грегор Штрассер из Ландсхута в Баварии. Разумеется, Геббельс знал, кто перед ним. После того как Гитлера приговорили к тюремному заключению, этот ветеран партии взял на себя политическое руководство. Его внешность провинциального бюргера была обманчива. За его кажущимся благодушием скрывалась колоссальная энергия, и он желал всю ее направить на дело партии. Кроме того, будучи прекрасным организатором, он работал даже с большей отдачей, чем Гитлер. Он был терпелив с партийными функционерами и не впадал в истерики, как Гитлер. Он редко повышал голос. В этом тихом омуте, пожалуй, таилась личность более радикальная, чем Гитлер.

Геббельс ничуть не был рад тому, что столь важная фигура видит его в неблагоприятной обстановке, да еще выслушивает его поношения в адрес нацистской партии. Но Штрассер обладал чувством юмора, он не рассердился, а,

напротив, после выступления Геббельса подошел к нему и, представившись, сказал: «Вы превосходный оратор. Возможно, придет день, когда мы будем работать вместе».

Этот день пришел раньше, чем они думали. Через неделю после их встречи, накануне Рождества 1924 года, Гитлера амнистировали. Он, не откладывая, начал собирать под свое знамя остатки партии и уже в феврале 1925 года вновь был избран фюрером. Штрассер уступил ему, выторговав себе свободу действий в партийном строительстве на севере и западе Германии. Он продал свою аптеку и вместе с младшим братом Отто основал в Берлине нацистское издательство «Кампфферлаг». Ему понадобился новый личный секретарь, чтобы заменить Генриха Гиммлера, который разуверился в будущем нацизма и вложил все свои сбережения в птицефабрику.

И тогда Штрассер вспомнил о Геббельсе. Позже он заметил, что «купить Геббельса было нетрудно». Он предложил ему должность личного секретаря и одновременно управляющего делами в Северном Рейне – Вестфалии с жалованьем двести марок. Геббельс тотчас же согласился и бросил работу у Вигерсхауса, притом без слова объяснений. Впоследствии он жаловался на членов Партии народной свободы, «с которыми прошел часть пути и которые теперь воротят нос. Ни приветствия, ни взгляда, ни рукопожатия». Он возмущался тем, что другие позволяют себе менять мнение о нем на противоположное.

Вскоре он уже был личным секретарем Штрассера, но чисто номинально. В основном он должен был писать речи и организовывать митинги, что занимало его почти каждый вечер.

Земля Северный Рейн – Вестфалия представляла собой густонаселенный регион. Города практически сливались в огромный полис и сообщались между собой пригородными поездами. Геббельс был вечно в пути. Эссен, Кельн, Дюссельдорф, Эльберфельд, Дуйсбург, Крефельд, Дортмунд... Он редко ночевал в одном месте дважды.

Он становился умелым агитатором – нужда заставила его научиться. Он познал многие хитрости своего дела. Его талант ярко выделялся на сером рутинном фоне. Если у него и был когда-то страх перед сценой, то теперь он избавился от него. Если он когда-то смущался, то теперь публика не могла заметить и следа застенчивости. Теперь он мог взойти на трибуну и громко провозгласить заведомую ложь. Довольно эксцентричный, он производил впечатление даже на недоброжелательно настроенную аудиторию, чем завоевывал новых сторонников нацистам. Он был слишком занят и слишком уставал, чтобы изобретать новые лозунги. И вскоре он понял, что в этом нет необходимости, потому что одни и те же слова, повторенные много раз, производят эффект кувалды (эту истину открыл для себя и Гитлер). Он по натуре был циником и иногда без стыда признавался себе, что, чем банальнее и глупее его аргументы, тем сильнее эффект.

Он также обнаружил, что суть дела в личном контакте. «Революционные движения создаются не великими писателями, но великими ораторами, – позже заметил он. – Неверно думать, будто печатное слово намного действеннее, потому что его прочитывает ежедневно масса людей. Даже если оратор обращается в лучшем случае к нескольким тысячам слушателей, в то время как писатель-политик имеет аудиторию в десятки и сотни тысяч читателей, произнесенное слово влияет не только на присутствующих, но и передается из уст в уста сотни тысяч раз. Поэтому эффектная речь заставит думать гораздо сильнее, чем хорошо отредактированная печатная. Вот почему на первом этапе сражения в долине Рейна и Руре мы были все почти поголовно агитаторами. Такого рода массовая пропаганда была нашим единственным оружием, и нам волей-неволей приходилось использовать ее максимально, чего мы еще не могли сделать с печатным словом»¹³.

Вместе с братьями Штрассер Геббельс принялся и за редакционную работу. Они решили выпускать каждые две недели информационный бюллетень, который будет официальным органом нацистов в нескольких районах. Они надеялись, что в конце концов он станет рупором всей нацистской идеологии.

1 ноября 1925 года вышел первый отредактированный Геббельсом номер. Он назывался «Письма национал-социа-

¹³ П.И. Геббельс. «Сражение за Берлин». (Примеч. авт.)

5

После выхода нескольких номеров в свет большинство читателей пришли к мнению, что Йозеф Геббельс тайный коммунист. А его земляки из Рейдта думали так еще много лет. Действительно, Геббельс и коммунисты говорили на очень похожем языке. Мюнхенцы – клика Макса Аманна, издателя «Фелькишер беобахтер», редактор газеты Альфред Розенберг и Готфрид Федер, советник Гитлера по экономике, – высказывали свои подозрения вслух. Более «революционные» нацисты северо-западной части Германии поддержали его открыто.

В самом деле, в «Письмах национал-социалиста» Геббельс больше акцентировал социализм, нежели национализм, к тому же настолько явно, что ратовал за союз нацистской Германии с Советским Союзом. Он даже заигрывал с такими нищими и вечно бунтующими странами, как Индия и Китай.

«Мы не достигнем успеха, – писал Геббельс, памятуя свои споры с Флисгесом, – если будем учитывать интересы только имущих и образованных слоев населения. Но мы добьемся всего, если обратимся к обездоленным и голодным массам». Его коньком стали статьи по большевизму, написанные в подчеркнуто просоветском тоне. В своей речи «Ленин или

Гитлер?» он провел сравнительный анализ и сделал вывод о превосходстве гитлеризма. Тем не менее сравнение выглядело даже лестным для русских.

В заметках для «Фелькишер беобахтер» он пел хвалу Ленину как национальному освободителю своей страны. «Советская система твердо стоит на ногах не потому, что она большевистская, марксистская или интернациональная, а потому, что она национальная, русская, – писал он приятелю с левыми убеждениями. – Ни один царь не смог бы пробудить национальное чувство русских, как это сделал Ленин».

Какое-то время спустя он написал: «Когда Россия восстанет ото сна, мир станет свидетелем национального чуда». Он также заявил, что Германия никогда «не пойдет в наемники к капиталу, чтобы развязать «священную войну против Москвы». И добавил: «Не будет ли это неслыханной политической низостью?»

Русские отвечали некоторой взаимностью на симпатии Геббельса. 20 июня 1923 года Карл Радек произнес речь во ВЦИКе, в которой превозносил Шлагетера и называл его мужественным борцом с контрреволюцией. Он имел в виду, что Шлагетер якобы пал жертвой западного капитала.

Но Геббельс не был коммунистом в полном значении слова. И он сам старался об этом заявить. «Коммунизм есть не что иное, как гротескное искажение идеи социализма, – писал он правому политику графу Ревентлову. – Мы, и только мы станем истинными социалистами в Германии и, если

уж на то пошло, во всей Европе». Его представления о социализме были по меньшей мере смутными. «Я верю в готовность пролетариата пойти на жертвы, его решимость пока дремлет, но однажды пробьет час... Я верю в поступь масс, верю в грядущую историю...» По сути, это были пустые слова.

«Мы живем в эпоху масс, – писал он Альбрехту фон Грефе, лидеру националистического меньшинства в рейхстаге. – Однако будущее принадлежит не массам, а тому, кто объединит их, кто их поведет. Новый век принадлежит тому, кто повелевает массами. Массовые движения нашего времени завершатся диктатурой».

6

Подобно своей матери, Йозеф Геббельс вел дневник с того дня, когда ему исполнилось двенадцать лет. В нем он записывал свои мысли о мире в целом и о своем собственном маленьком мире в частности. Одним словом, он поверял дневнику то, что мог бы поведать близкому другу, если бы у него были близкие друзья. Так, записи 1925–1926 годов свидетельствуют более красноречиво, чем знавшие его люди, насколько неуверенным в себе и ранимым он был, хотя, судя по его статьям и речам, ему были ведомы все ответы. «Между 1 октября 1924 года и 1 октября 1925 года, – записывает он, – я выступил 189 раз. От такой нагрузки можно

свалиться замертво».

29 октября 1925 года: «День рождения. Уже двадцать восьмой. Я старею. Я содрогаюсь при одной мысли. У меня выпадают волосы. Я стану лысым!»

8 марта 1926 года: «Я вешу сто фунтов. Это меньше, чем «вес пера». Они бросают меня на самую изматывающую работу. Я называю это медленным уничтожением».

19 июня 1926 года: «Как хочется избавиться от этой кутермы. Меня тошнит. Бредни! Интриги. Грязь!»

30 августа 1926 года: «У меня уже давно побаливает спина. Как бы не заболеть. Туберкулез! Это было бы ужасно».

Снова и снова он спрашивает себя, стоит ли расходовать так много сил? Он не щадит своего здоровья – и ради чего? Есть ли у его партии будущее? А может быть, его соратники – шайка заговорщиков и мелких уголовников, которым не по плечу великая идея?

23 октября 1925 года: «Иногда я думаю, что наше дело проиграно».

10 ноября: «У меня опускаются руки. Моя вера в духовные силы немецкого народа начинает угасать».

20 января 1926 года: «Я сыт по горло нашей партией».

12 июня 1926 года, характеризуя ближайших соратников: «Я смертельно устал от нашей организации. Подумать только, с этими людьми мы хотим освободить Германию!»

На пределе сил и нервов, терзаемый сомнениями и скептицизмом, Геббельс до изнеможения мечется между рейн-

скими городами – таковы его прямые обязанности – и все же умудряется выкроить время для случайных связей.

15 августа 1925 года: «Эльсляйн, когда я снова увижусь с тобой? Альма, у тебя беззаботный характер. Анка, я никогда тебя не забуду. А мне сегодня так одиноко».

Он постоянно ищет женщину, которая его полюбит и поймет, женщину, в которую он поверит. Вот, например, 27 августа 1925 года: «Во вторник Эльсляйн приедет в Эльберфельд. У нас большая любовь. Ради нее я готов отдать жизнь».

28 октября 1925 года: «Что за восхитительная ночь! Она прелестна, она добра ко мне. Порой я ее терзаю... Я любим! Так на что мне жаловаться?»

20 декабря 1925 года: «Эльза здесь. Потoki слез и жалоб. Нам пора порвать отношения. Она умоляет не бросать ее. Мы очень долго страдаем, пока не находим друг друга... Она вне себя от счастья. А я? Не стоит говорить обо мне. На мне лежит какое-то проклятие, как только дело касается женщин...»

12 июня 1926 года: «Эльза пишет, что мы квиты. И что мне делать? Она совершенно права. Мы даже не можем остаться друзьями. Между нами пропасть, мы долго пытались не замечать этого... А я все еще люблю ее. Бедное милое дитя».

Было много и других женщин.

Однако в конечном счете для Геббельса уже было не столь важно, выбивается он из сил или прохлаждается, болен или здоров, влюблен или нет. В целом его душевное равновесие находилось в прямой зависимости от Гитлера. Гитлер был его богом. Пока он верил Гитлеру, все шло как надо.

14 октября 1925 года: «Только что закончил читать книгу Гитлера. Я в восторге. Кто он такой? Полуплебей? Полубог? Христос или Иоанн?»

2 ноября 1925 года: «В среду буду выступать на митинге в Брунsvике вместе с Гитлером. Радуюсь и предвкушаю. Может, мне посчастливится, и я поговорю с ним дольше обычного».

6 ноября 1925 года: «Едем домой к Гитлеру... У него есть все, чтобы стать повелителем, диктатором будущего...»

Но вскоре появляются первые сомнения. Вопреки твердой решимости не обращать внимания на нападки, которым подвергался Гитлер, его аналитический ум приступает к работе. Вначале Геббельс еще питал иллюзии, что Гитлер сам по себе лишен недостатков и лишь его окружение состоит из недалеких и бесчестных людей, которым недоступны «истинные социалистические идеи».

21 августа 1925 года: «Штрассер... рассказывает ужасные вещи про Мюнхен. У руководства стоят неумелые и продаж-

ные люди... Гитлера окружает сброд».

26 сентября 1925 года: «Мюнхенское движение отвратительно. Я ненавижу мюнхенскую клику».

11 февраля 1926 года: «Мюнхену больше никто не верит. Истинной Меккой немецкого социализма станет Эльберфельд».

А в записи от 22 февраля 1926 года он подходит к критической отметке: «Я не могу безоглядно верить самому Гитлеру».

Чтобы он сделал такое признание, должны были произойти многие события. В 1926 году немецкие коммунисты и социал-демократы потребовали проведения плебисцита. Они хотели провести экспроприацию бывшего монарха и членов его семейства, в чьих руках, несмотря на революцию 1918 года, оставались огромные поместья и состояния. Штрассер и Геббельс выступили за то, чтобы нацистская партия поддержала плебисцит.

Но для Гитлера это было недопустимо, поскольку некоторые родственники бывшего кайзера и князя делали щедрые пожертвования в его партийную кассу. Он не мог бросить им вызов. Да и немецкие промышленники, ставшие к тому времени одним из его финансовых источников, не пришли бы в восторг, увидев его в одной когорте с коммунистами и социалистами. Геббельса могли предать анафеме, потому что совсем недавно он писал: «Мы не достигнем успеха, если будем учитывать интересы только имущих и образованных

словес населения...» Но Гитлер так и хотел поступить.

Нужно было принимать превентивные меры, и Геббельс с братьями Штрассер составили план изменения партийного устава.

Политический центр тяжести перемещался к северу, подалеже от реакционной клики розенбергов, федеров и аманнов. Если Гитлер не пойдет на уступки, его надлежит отстранить от роли действующего лидера партии, сделав почетным председателем, а Грегор Штрассер займет его место. Геббельс уже видел в воображении Гитлера на покое в своем доме в Берхтесгадене. Геббельс был снисходителен. «Мы будем навещать его раз в году и будем с ним очень любезны», — обещал он.

Для обсуждения своего нового плана Штрассер пригласил гауляйтеров северо-запада Германии в Ганновер 22 ноября 1925 года¹⁴.

Все сидевшие за длинным столом в «Ганновершер-Хоф» в той или иной степени поддерживали Штрассера, но они не были сливками немецкой нации. Все они без исключения были авантюристами без средств к существованию, не имевшими ни возможности, ни желания вести добропорядочный образ жизни. Они следовали за Грегором Штрассером, так как ничего лучшего им не представлялось. Теперь они хотели попробовать себя в политике. Они вечно страдали от

¹⁴ Нижеследующее повествование основывается на свидетельствах Конрада Хайдена, Рудольфа Олдена и Отто Штрассера. (Примеч. авт.)

безденежья и пытались поправить свои дела сомнительными способами: шантажировали людей с нечистой совестью, любителей внебрачных связей и половых извращений. Дамы более чем среднего возраста, поддавшиеся обаянию гауляйтеров, вынуждены были щедро оплачивать молчание своих любовников. Иногда и деньги, предназначенные для партии, оседали в их карманах.

Совещание двадцати четырех гауляйтеров и других партийных бонз началось ровно в десять часов утра. Только один из них выступил против предложенных перемен. Это был Роберт Лей, лидер партии в южном районе Рейнской долины, работавший в Кельне. Гитлер отсутствовал, но прислал своего представителя – Готфрида Федера. Лей настаивал на том, чтобы допустить в зал Федера.

Геббельс вышел из себя. «Нам не нужны осведомители!» – закричал он.

Но Штрассер решил не обижать Гитлера. Большинство в один голос предложение Лея было принято, и Федеру пришлось выслушать очень странные речи, большую часть из которых подготовил для выступавших сам Геббельс. Именно он рекомендовал изменения устава, принятые единогласно. Когда Лей заявил, что нельзя ничего предпринимать без фюрера, некоторые гауляйтеры в ответ заметили, что прекрасно обойдутся без «папы»¹⁵. Геббельс пришел в ярость.

¹⁵ Со времен Лютера в Германии установилось пренебрежительное отношение к Папе Римскому. (*Примеч. ред.*)

«Вношу предложение исключить из Национал-социалистической рабочей партии Германии мелкого буржуа Адольфа Гитлера!» – потребовал он.

Он обозвал Гитлера мелким буржуа – более крепкого словца Геббельс не мог придумать. Ему казалось, что с Гитлером он покончил. Джинн был выпущен из бутылки. Геббельс высказал вслух то, что никто в партии не отваживался произнести. Это был открытый мятеж, оскорбление «его величества», богохульство! Хотя его беспрецедентное предложение даже не поставили на голосование, несколько рук машинально взметнулось вверх, наглядно показав, что, по крайней мере, некоторые поддержали «еретика».

С тех пор, как он ни старался, Геббельс не мог уже верить Гитлеру с прежней бездумной преданностью. Он не мог сдержать свой критический ум, не мог принимать на веру пустые фразы. Помимо всего прочего, он не мог смириться с тем, что Гитлер выбрасывал социалистическую доктрину за борт. Геббельс, четыре года тому назад избравший Гитлера своим героем – да что там героем, богом! – теперь был готов от него отречься.

8

22 января 1926 года решительное и страстное воззвание, составленное Штрассером и Геббельсом, возвестило о том, что национал-социалисты – по крайней мере, на севере Гер-

мании – выступят за экспроприацию. Желая остудить пыл «революционеров», Гитлер назначил совещание на 14 февраля 1926 года в маленьком баварском городке Бамберге.

Геббельсу было известно, что предстоит борьба. 6 февраля 1926 года он пишет: «В следующее воскресенье в Бамберге. Нас пригласил Гитлер. Мы должны встать и драться. Приближается время решительных действий».

12 февраля 1926 года: «Завтра едем в Бамберг. Гитлер обратится к местным руководителям... План нашей кампании готов... Наша задача заставить людей возмутиться...»

Утром 12 февраля Геббельс прибыл в Бамберг. Генрих Гиммлер, вновь ставший активистом партии, встретил его на вокзале и отвез в гостиницу в большом черном лимузине. На Геббельса это произвело впечатление. Еще более его поразило то, что у входа в отель стояло несколько таких машин. Они принадлежали мюнхенским руководителям партии, баварским гауляйтерам и даже сошке помельче – крайсляйтерам.

Бросалось в глаза, что деятели партии из южных районов живут в несравненно лучших условиях, чем люди Штрассера. Казалось, они не испытывают финансовых затруднений: они занимали лучшие номера в отеле, сидели в холле и в баре с толстыми сигарами, выглядели упитанными и благополучными и вели себя в высшей степени непринужденно.

Вспомнив, что он писал о них, Геббельс приготовился к тому, что на него будут смотреть свысока. Но вопреки

его ожиданиям Альфред Розенберг, Готфрид Федер, Макс Аманн и другие, чью честь он не щадил в статьях, пожимали ему руку, хлопали по плечу, словом, вели себя с ним на равных. И он вдруг осознал, что выглядит в их глазах значительной фигурой.

Встреча открылась речью Гитлера, в которой он долго разъяснял делегатам, почему нельзя голосовать за экспроприацию. Он использовал старый и избитый довод: национал-социалисты не должны играть на руку заговорщикам и коммунистам, а экспроприация не ограничится знатью.

«Гитлер произнес речь на два часа, – писал Геббельс в дневнике. – Я совершенно изнемог. Ай да Гитлер! Не реакционер ли он? Он путается и колеблется. По русскому вопросу он не прав от начала и до конца. Италия и Англия – наши естественные союзники! Бред! Наша задача – сокрушить большевизм! Большевизм – порождение евреев! Наш долг – уничтожить Россию!.. Компенсация дворянству. Справедливость должна остаться справедливостью. Более того, нельзя даже затрагивать вопрос о дворянских владениях. Ужасно! Гитлеровская программа полностью удовлетворяет мюнхенскую шайку. Федер кивает, Лей кивает, Штрайхер кивает, Эссер кивает. «Мне больно видеть вас в дурной компании» (Геббельс цитирует Гете). Потом короткое совещание. Говорит Штрассер. Он заикается, голос его дрожит.

Бедный честный Штрассер... Я не в силах вымолвить ни слова. Я словно потерял голову. Мы едем на вокзал. Штрас-

сер растерян. Мы ссоримся и спорим. Все это очень тяжело. Прощаюсь со Штрассером. Послезавтра мы встретимся в Берлине»¹⁶.

23 февраля Геббельс записал: «Долго совещались (со Штрассером). Итог: мы не должны завидовать мюнхенцам из-за их пирровой победы. Необходимо работать и разворачивать борьбу за социализм».

Гитлер и сам наверняка понимал, что его победа – пиррова. Еще он наверняка почувствовал – а у него было тонкое чутье на людей, – что Геббельса надо переманить на свою сторону. Игра стоила свеч.

Борьба за душу Геббельса началась в конце марта. «Сегодняшним утром пришло письмо от Гитлера, – пишет Геббельс 29 марта. – Я произнесу речь в Мюнхене 8 апреля». Перспектива поездки в Мюнхен привела Геббельса в возбуждение.

7 апреля он уехал в Мюнхен. «Машина Гитлера ждала. Сразу в отель. Королевский прием! Еще час на поездку по городу... Повсюду огромные плакаты. Я буду говорить в историческом «Бюргербрау»¹⁷.

«Четверг (8 апреля). Звонил Гитлер. Он хочет привет-

¹⁶ По свидетельству Конрада Хайдена, Рудольфа Олдена и других, писавших историю нацистского движения, Геббельс тут же сошелся во мнениях с Гитлером и переметнулся к нему, за что «левое крыло» обвинило его в предательстве. Однако маловероятно, чтобы он не отметил подобную метаморфозу в дневнике. (Примеч. авт.)

¹⁷ В нем Гитлер начинал свой путч. (Примеч. авт.)

ствовать нас и будет через четверть часа. Высокий, полный сил и здоровья. Я влюблен в него. Он удивительно добр после всего, что произошло в Бамберге, и нам стало стыдно. После обеда он предоставляет нам свою машину... В 2 часа едем в «Бюргербрау». Гитлер уже там. У меня сердце готово выскочить из груди. Вхожу в зал. Толпа приветственно ревет...»

Геббельс по достоинству оценил, что значит выступать с одной трибуны с Гитлером. Гитлер оказал ему честь. «А потом я говорил два с половиной часа. Я вложил в речь всю душу и сердце. Толпа бушевала. В конце Гитлер обнял меня. В его глазах стояли слезы.

Как бы там ни было, я счастлив. Мы прошли сквозь толпу к машине... Гитлер всегда будет на моей стороне».

Незадолго до этого Штрассер заметил, что подкупить Геббельса не составляло труда. Теперь и Гитлер сделал то же открытие. Он показал Геббельсу все преимущества успеха: скоростные автомобили, дорогие номера в первоклассных отелях, тысячные толпы, ревущие в исступлении. Но козырем Гитлера оставался он сам. «Он говорил со мной три часа, – пишет Геббельс в дневнике. – Потрясающе! Его дикий энтузиазм заразителен». Вскоре Геббельс был побежден. «Я преклоняюсь перед величием политического гения».

И все-таки он прежде всего преклонялся перед его пропагандистским гением. Именно он, как быстро понял Геббельс, в первую очередь обеспечил успех партии. В «Майн кампф» Гитлер наметил основные пропагандистские прие-

мы. Геббельс прочел первое издание еще за полгода до этого времени, но теперь Гитлер показал ему гранки второго тома, где была глава о пропаганде и организации. Геббельс был в восторге. Многие из того, что писал Гитлер о пропаганде, о плакатах, о необходимости влиять на огромные массы людей, высказывалось и до него психологами, хорошо знающими эту область. Заслуга Гитлера в том, что он открыл принципы пропаганды для себя, интуитивно.

Особый интерес вызвал у Геббельса тезис о том, что работа руководителя пропаганды является одной из важнейших слагающих партийного строительства. До сих пор Гитлер сам направлял пропаганду, но в беседе он признался Геббельсу, что намеревается назначить на эту должность кого-нибудь другого, так как сам займется всеобщей партийной линией.

Гитлер и Геббельс много спорили о России, и фюрер недвусмысленно дал Геббельсу понять, что не стоит больше восхвалять «национального освободителя» Ленина и проводить параллели между большевиками и нацистами. 16 апреля Геббельс записал: «Его доводы убедительны, но, как мне думается, он еще не понял тонкости русской проблемы. Впрочем, я могу пересмотреть некоторые ее аспекты».

Он покинул Мюнхен 17 апреля. Гитлер взял над ним верх. Геббельс еще раз поверил в фюрера и в поздравительном письме тому ко дню рождения поклялся в вечной преданности.

«Дорогой и многоуважаемый Адольф Гитлер! Я столь

многому научился у Вас! В свойственной Вам дружеской манере Вы открыли мне новые пути и пролили на меня свет... Может быть, наступит день, когда все рухнет, когда чернь возопит: «Распни его!» Тогда мы все станем твердо и неколебимо вокруг и возгласим: «Осанна!»

В тот же день, 20 апреля он пишет в дневнике: «Ему тридцать семь... Адольф Гитлер, я люблю Вас. Вы великий и простой. Это черты гения».

16 июня, когда Гитлер приехал в Кельн, Геббельс опять полон надежд и восторга. «Он вывел окончательную формулу германского социализма. Такой человек в силах весь мир перевернуть вверх дном».

В июле он поехал в Берхтесгаден. Он не стал гостить в доме Гитлера в Вахенфельсе, а остановился в «миленьком пансионе». Как и всегда, Гитлер говорил и говорил. «Мысли, всего лишь намеченные им в Мюнхене, теперь предстали в свежем и сильном виде с потрясающими примерами в качестве иллюстраций. Да, все должны работать на него. Он создатель Третьего рейха... Шеф обсуждает расовый вопрос. С ним никто не сравнится. Слушать его большая честь. Он гений».

Когда у Геббельса лирическое настроение, он становится невозможным. Вот беглые наброски: «Высоко в небесах стоит облако в виде свастики. Сверху льется мерцающий свет. Но это не звезды. Может быть, это знак судьбы?» И вечером 25 июля: «В эти дни я нашел направление и путь... Я чув-

ствую умиротворение в душе. Исчезли последние сомнения. Германия будет жить. Хайль Гитлер!» Он впервые использовал в записях эту «здравицу», и теперь она пройдет красной нитью по всему дневнику.

Борьба за душу Геббельса закончилась. Гитлер выиграл спор. Вернее, Гитлер не убедил Геббельса, Геббельс убедил сам себя.

Он страстно хотел верить в Гитлера. И он в него действительно поверил.

9

После приветственной записи в дневнике Геббельс больше не колебался – настало время объявить всем и вся о своей новой позиции. Теперь следовало пересмотреть свое отношение к Штрассерам и ганноверским заговорщикам. Вот почему в статье в одном из августовских номеров «Фелькишер беобахтер» он открыто заявил, что не имеет больше ничего общего со своим бывшим кланом. По его словам выходило так, словно он никогда и не бывал в Ганновере. «Только теперь я понимаю, что вы революционеры на словах, а не на деле... Хватит без умолку болтать об идеалах и дурачить самих себя, будто эти идеалы вы сами изобрели и сами защищаете. Учитесь, надейтесь! Найдите в себе веру в победу ваших идеалов! То, что я говорил ранее, я готов повторить и сейчас: стоять перед фюрером вовсе не наказание. Мы не па-

даем ниц перед ним, как византийцы перед троном азиатского императора, но стоим с гордо поднятой головой, как мужественная дружина викингов перед своим германским владыкой. Мы чувствуем, что он более велик, чем все мы, чем вы и я. Он инструмент Божественного Провидения, которое творит историю с новым созидательным вдохновением».

С этих пор в дневнике сквозит все более и более холодное отношение к Штрассеру.

4 августа 1926 года: «Письмо от Штрассера и письмо к нему. Наши отношения дали трещину. Но мы их поправим».

20 сентября 1926 года: «Штрассер мне завидует. Иначе нельзя объяснить его неуклюжие выпады против меня. Но я буду хранить порядочность, даже если по его милости протяну ноги».

Плебисцит принес именно те результаты, которых ждали. В соответствии с Веймарской конституцией для утверждения решения требовались голоса половины легитимных избирателей. Если бы на избирательные участки пришло двадцать миллионов человек и большинство из них проголосовало за экспроприацию, аристократия проиграла бы. Но в итоге 20 июля в голосовании приняло участие только пятнадцать с половиной миллионов человек, и практически никто из них не голосовал против. Это не значит, что те, кто не принял участия в плебисците, хотели провалить законопроект. Не многие саботировали плебисцит сознательно, но среди них были нацисты.

Деловой мир вздохнул с облегчением и приветствовал такой исход. На Германию начали смотреть с доверием, в нее потекли иностранные капиталы. В то время как администрация президента Кулиджа отказалась облегчить бремя военных долгов Англии и Франции, Германия получила все запрошенные кредиты. Немецкие промышленники опасались, что в один прекрасный день социалисты и коммунисты повторят попытку экспроприации, и стали прислушиваться к Гитлеру. А прислушиваться – значило платить.

10

В середине октября 1926 года Геббельс пережил сильнейшее разочарование. На пост шефа пропаганды нацистской партии, куда метил Геббельс, Гитлер назначил Грегора Штрассера. Его изумил тот факт, что Гитлер выдвигает человека, который то и дело вставал в открытую оппозицию.

Он еще мало знал фюрера, чтобы понять: тот не может пока обойтись без талантов Грегора Штрассера. Более того, Гитлер охотно стравливал своих подручных. Чем больше недолюбливали они друг друга, тем меньше у них было шансов сплотиться против него.

Но несколько дней спустя выяснилось, что Гитлер не забыл о нем. 26 октября Геббельс получил теплое дружеское письмо, в котором также сообщалось, что он назначен гауляйтером Берлина. Геббельс получал необыкновен-

ную власть: в Берлине даже отряды штурмовиков были у него в подчинении, он же отвечал только перед фюрером лично.

Гауляйтер Берлина! Молодой человек, хваставшийся своими «крестьянскими корнями», для которого даже захолустный Рейдт был большим городом, затворник по натуре и любитель вольной природы, должен был въехать в Берлин. Берлин, самый большой город на Европейском континенте, хотя, пожалуй, и один из самых уродливых. На первый взгляд Гитлер мог бы подобрать в своем окружении не менее достойную кандидатуру, и дневники Геббельса отражают некоторые опасения. Он называет Берлин «блудницей вавилонской» и «вместилищем порока». От одной мысли его охватывал страх. Но Гитлер знал его лучше, чем Геббельс сам себя. Гитлер знал, что молодой литератор и агитатор Йозеф Геббельс зачахнет от тоски на лоне дикой природы, если ему дать столь желанную свободу. Он знал, что в действительности мир Геббельса – шумные и запруженные толпой городские улицы, то есть Берлин.

Опасения Геббельса имели под собой действительные основания. Берлинские члены нацистской партии были разобщены и нечисты на руку. Некоторые высокопоставленные бонзы из штурмовиков использовали свое положение, чтобы запугивать своих же товарищей по партии и вымогать у них деньги. Худшим из этих головорезов казался Хайнц Хауэнштайн, бывший командир «Вольного корпуса» и друг Лео

Шлагетера, которым некогда восхищался Геббельс. Предшественник Геббельса попытался приструнить его, но и Хауэнштайн и командир берлинских штурмовиков Курт Далюге просто отмахнулись от него. Такое положение было симптоматичным для всего берлинского округа. Но хуже всего было то, что в Берлине насчитывалось не так уж много нацистов, большинство здесь имели социал-демократы и коммунисты. Никто, находясь в здравом рассудке, не стал бы делать ставку на нацистов в «красном Берлине».

Геббельс отдавал себе в этом отчет. Сидя в купе третьего класса на пути к новому полю деятельности, он был погружен в раздумья. С собой он вез только маленький чемодан с несколькими рубашками, парой костюмов, книгами и рукописями. На нем был черный френч из альпаки и светло-коричневый плащ – одежда, которой он будет верен годами.

«Что ждет меня в Берлине? – спрашивал он себя. – Три года назад в Мюнхене грохотали пулеметы у Фельдгерренхалле, скашивая марширующие колонны молодых немцев. Означало ли это, что пришел конец? Хватит ли нашей силы и решимости, надежды и уверенности, чтобы Германия восстала из пепла вопреки всему и обрела новое политическое лицо, которое мы ей создадим?.. Серый ноябрьский вечер тяжело опускался на Берлин, когда экспресс приблизился к городу...»¹⁸

¹⁸ П.Й Геббельс. «Сражение за Берлин». (Примеч. авт.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.